

Поэтому его ямочки редко удавалось увидеть.

— В детстве он улыбался чаще, но с тех пор, как начал управлять компанией, стал все более серьезным. — Цзян Ланьсинь вспомнила прошлое с легкой грустью. — Ответственность сформировала его, но и изменила его.

Цзян Юйян понял, что она имела в виду, и опустил взгляд.

Как бы он хотел увидеть его улыбающимся.

Наверное, это было бы очень мило.

Пациентов в реанимации нельзя навещать, и сколько бы родственники ни ждали снаружи, это не поможет. Семья Хэ использовала свои связи, чтобы заблокировать все попытки СМИ узнать подробности. Поэтому внешний мир знал только, что Хэ Пэнчэн попал в аварию и находится в больнице, но больше ничего.

Но Цзян Юйян был другим. Он был артистом, живущим под прицелом камер. Теперь, с новостями о его браке, он стал главной мишенью для журналистов.

Боясь, что его присутствие принесет им проблемы, Цзян Юйян покинул больницу на рассвете. Перед уходом он снова посмотрел на Хэ Пэнчэна через экран. Тот по-прежнему лежал без сознания, только поднимающаяся и опускающаяся линия на мониторе свидетельствовала о том, что он жив.

Пожалуйста, очнись. Я сделаю все, что ты захочешь.

Цзян Ланьсинь увидела тоску в его глазах:

— Твое жилье безопасно? Может, переедешь в старый особняк? Там точно не будет журналистов.

Сейчас переезд был бы логичным, но, подумав, что скоро придется снова уезжать, Цзян Юйян покачал головой.

— Нет, тетушка, мое жилье безопасно, там строгая охрана, и они не знают, где я живу.

Заранее хвалиться не стоит.

Цзян Юйян думал, что действует незаметно, но, увидев виллу, окруженную толпой журналистов, понял, что уже поздно скрываться.

Его окружили со всех сторон, никого, кто бы помог, рядом не было. Все задавали вопросы, буквально пытаясь сунуть микрофоны ему в рот.

— Правда ли, что вы женаты?

— Можете ли вы рассказать о текущем состоянии Хэ Пэнчэна?

— ...

Это был первый раз, когда Цзян Юйян столкнулся с такой бурей общественного внимания. Он глубоко вздохнул:

— Всё, что я мог и хотел сказать, я уже написал в Weibo. Больше мне нечего добавить.

— Некоторые говорят, что ваши отношения с Хэ Пэнчэном — это содержание. Что вы можете сказать на это?

— Помог ли Хэ Пэнчэн вам добиться успеха?

Журналисты не собирались сдаваться, их вопросы становились все более провокационными.

Услышав это, Цзян Юйян сжал ладони, боль помогала ему сохранять самообладание.

Почему все так плохо думают об их отношениях?

— Нет.

Цзян Юйян серьезно ответил.

— Наши отношения законны. Мы женаты.

— Тогда почему вы не раскрыли это раньше? Разве вы не знаете, как сильно ваши фанаты переживают за вас?

С момента аварии Хэ Пэнчэна Цзян Юйян ничего не ел. Его лицо было бледным, губы сухими, глаза опухшими, одежда не менялась. Такой жалкий вид не вызывал ни капли сочувствия. Журналисты думали только о своих «эксклюзивных новостях» и «громких скандалах».

— Не раскрывали, потому что вы, журналисты, не давали покоя.

Цзян Ланьсинь, беспокоясь за Цзян Юйяна, последовала за ним и, увидев, как его окружили, вышла из машины, пробилась через толпу и встала рядом с ним.

Цзян Юйян обернулся, уже хотел назвать её «тетушкой», но, вспомнив ситуацию, быстро закрыл рот, с беспокойством смотря на неё.

Цзян Ланьсинь дала ему понять, что всё в порядке, затем повернулась к камерам и журналистам:

— У вас вообще есть профессиональная этика? Разве не видите, что он в плохом состоянии и нуждается в отдыхе?!

Внутри семьи Цзян Ланьсинь была заботливой женой и матерью, но на публике она была железной леди, каждое слово и движение которой излучали авторитет.

Журналисты, которые еще минуту назад были агрессивными, теперь смотрели друг на друга, не решаясь продолжить.

Но всегда находятся те, кому все нипочем.

— Вы знали, что ваш сын и Цзян Юйян скрывали брак четыре года?

Цзян Ланьсинь ответила вопросом на вопрос:

— А вы как думаете?

Молодой журналист, которого слегка дернул за рукав более опытный коллега, сразу же опустил голову, не решаясь продолжить.

Цзян Ланьсинь повернулась к Цзян Юйяну:

— Иди собери вещи, поедешь со мной в старый особняк.

Цзян Юйян колебался, но быстро зашел на виллу. Удивительно, но журналисты не стали его останавливать. Они лишь смотрели, как их «добыча» ускользает.

Цзян Ланьсинь была из тех, кто даже если плачет до утра, на людях остается спокойной и уверенной. Чтобы скрыть свои опухшие глаза, она надела темные очки, а помаду накрасила за секунду до выхода из машины.

Теперь она стояла, скрестив руки, в позе, которая словно говорила: «Я могу справиться с десятком».

Цзян Юйян спешно собрал чемодан с одеждой и выбежал из виллы, боясь, что журналисты причинят вред тетушке.

Но она была невредима, а вот журналисты... все словно превратились в перепуганных цыплят.

Цзян Юйян облегченно вздохнул и подошел к Цзян Ланьсинь:

— Я готов.

Цзян Ланьсинь расслабилась и улыбнулась:

— Тогда поехали.

Водитель, сопровождавший их, взял чемодан, и Цзян Юйян послушно последовал за ним. Перед тем как сесть в машину, он снова оглянулся.

Цзян Ланьсинь спокойно сказала:

— Я забираю свою сноху в старый особняк. Если хватит смелости, приходите туда.

Едва сдерживая слезы, Цзян Юйян резко вдохнул и быстро сел в машину.

Цзян Ланьсинь последовала за ним, и они уехали, оставив толпу журналистов позади, окутанных облаком выхлопных газов.

В машине царил молчок.

Цзян Юйян нервно теребил край одежды, чувствуя себя неловко. Наконец он извинился:

— Простите, тетушка, за то, что доставил вам столько хлопот.

Цзян Ланьсинь сняла очки и улыбнулась:

— Мы семья. Меньше извинений и благодарностей.

Цзян Юйян был тронут и молча кивнул.

По мере того как машина приближалась, перед глазами Цзян Юйяна появился старый,

величественный особняк, точно такой, как в фильмах.

— Ну как? — Цзян Ланьсинь, заметив, что он смотрит в окно, спросила.

Цзян Юйян оторвал взгляд от пейзажа и посмотрел на неё:

— Это то место, где он вырос?

Видя счастье и возбуждение в его глазах, Цзян Ланьсинь почувствовала тепло в сердце и кивнула:

— Три поколения семьи Хэ жили и выросли здесь, включая Пэнчэна.

Водитель повернул направо, и машина въехала через ворота. Посредине была дорога, по бокам — газоны, а в центре — большой фонтан.

— Этот фонтан, — Цзян Ланьсинь указала на него, — Пэнчэн часто в нем купался в детстве. Он очень любил воду.

— На правом газоне раньше был бассейн. Однажды Пэнчэн упал в него, и я приказала его засыпать.

Цзян Юйян слушал, представляя в уме эти сцены, и на его лице появилась улыбка.

По сравнению с современным стилем виллы, старый особняк был настоящим воплощением классической элегантности. Каждый уголок излучал глубокую атмосферу и утонченность. И семья Хэ была такой же: прошедшая через испытания, непоколебимая, с врожденной гордостью и исключительностью.

Цзян Юйян неуверенно стоял у входа, чувствуя себя чужим в этом месте.

Цзян Ланьсинь посмотрела на него:

— Не волнуйся, считай это своим домом.

Цзян Юйян кивнул, сменил обувь и медленно вошел.

— Это тетюшка Чан, — представила Цзян Ланьсинь. — Она готовит очень вкусно, попробуешь позже.

— Хорошо.

— Я подготовила гостевую комнату, можешь отдохнуть. — Тетюшка Чан не нашла подходящего обращения, поэтому говорила так.

— Зачем гостевую комнату? — Цзян Ланьсинь сказала как само собой разумеющееся. — Супруги не спят в разных комнатах.

Услышав это, тетюшка Чан сразу же поправилась:

— Какая я глупая!

Итак, Цзян Юйян, неся чемодан, тихо открыл дверь в комнату Хэ Пэнчэна. Даже зная, что там никого нет, он все равно не смог сдержать дрожь в руках, услышав звук открывающейся двери.

Комната была чистой и аккуратной, в строгом стиле, похожем на самого Хэ Пэнчэна. Но Цзян Юйян все же заметил следы жизни.

Например, перевернутую книгу по экономике на прикроватной тумбочке; открытую пачку сигарет и зажигалку на столике; отсутствие семейного фото на другой тумбочке...

Всё это создавало у Цзян Юйяна иллюзию, что Хэ Пэнчэн просто ушел на работу и вернется вечером.

<http://bllate.org/book/16918/1557583>